

RU

Философия «двойного зрения» Льва Шестова и феномен экстаза Жоржа Батая: философский опыт трансгрессии

Лезьер В. А., Ишниязова А. Р.

Аннотация. Цели исследования - сформулировать специфику влияния философии Л. И. Шестова на стиль мышления Ж. Батая; осуществить анализ понятий сексуальности, эротики в философском опыте трансгрессии Ж. Батая, который открывает негативный путь к опыту-пределу экстаза; выявить философов постструктурализма и деконструкции, на работы которых повлияло творчество Ж. Батая. Научная новизна: во-первых, в статье показано, что обращение к философии Л. Шестова и его категории «двойного зрения» является определяющим для толкования ценностей в философии Ж. Батая в русле трансгрессивного опыта, «беспочвенности» и низвержения идеализма; во-вторых, показано, что глубинный смысл феномена «экстаза» раскрывается Ж. Батаем через доктрину «совпадения противоположностей», которая характеризует парадоксальную направленность батаевской мысли, разработанной из иконоборческого «ниспровержения» божественного и ценностей «высшего порядка». В результате показано, что идеи Ж. Батая определяют роль некоего критического резерва для многих его последователей в современной философской мысли.

EN

Lev Shestov's Philosophy of "Double Vision" and Georges Bataille's Phenomenon of Ecstasy: Philosophical Experience of Transgression

Lezer V. A., Ishniyazova A. R.

Abstract. The paper aims to formulate the specificity of the influence of L. Shestov's philosophy on G. Bataille's way of thinking; to carry out the analysis of the notions of sexuality, eroticism in G. Bataille's philosophical experience of transgression which opens a negative way to the experience-limit of ecstasy; to identify the philosophers of poststructuralism and deconstruction whose works were influenced by G. Bataille's works. The scientific originality of the research is determined by the following: firstly, the article shows that turning to L. Shestov's philosophy and his category of "double vision" is crucial for interpretation of values in G. Bataille's philosophy in line with the transgressive experience, "groundlessness" and overthrowing of idealism; secondly, it shows that the deeper meaning of the phenomenon "ecstasy" is revealed by G. Bataille through the doctrine of "coincidence of extremes" which characterizes the paradoxical orientation of his thought developed from iconoclastic "overthrowing" of divinity and the values of "higher order". As a result, it has been shown that G. Bataille's ideas become a kind of a critical reserve for many of his followers in the modern philosophy.

Введение

Актуальность рассмотрения философского опыта трансгрессии обусловлена социально-культурными особенностями XXI века, их сложным характером: соотношением разнообразных стилей, литературных и публицистических жанров, парадоксальным влиянием социальных и политических процессов на философское мышление. Предметом интереса современной философии к трансгрессии Ж. Батая является существование человека, выражающего несогласие с правилами и нормами обыденной жизни, в пограничных ситуациях. В качестве такого предела в самом широком смысле выступает временность бытия человека. Выход за ее пределы, в область непреходящего, а также неприемлемые для свободы человека формы сложных жизненных обстоятельств инициируют область исследования трансгрессии в философии Жоржа Батая.

В статье рассматривается двойной аспект феномена экстаза в философии Ж. Батая, тематический и оперативный. Впервые этот опыт Ж. Батай описал в произведении «История глаза», опубликованном в 1928 году под псевдонимом Лорд Аух, где в своеобразной форме «прогулок по невозможному» философ прибегает к радикальному исследованию границ человеческого опыта.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач:

1. Показать особенности философии Л. Шестова, провести анализ категорий беспочвенности, знания-откровения, двойного зрения, подполья.
2. Рассмотреть специфику философского познания Ж. Батая, связанную с поиском новой формы святости, с трансгрессивным погружением в изливания эротики, на примере работы «История глаза».
3. Проанализировать понятия сексуальности, эротики в опыте трансгрессии Ж. Батая, то есть осуществления, экспериментирования, того спора знания, который открывает негативный путь к опыту-пределу экстаза.
4. Определить работы французских философов второй половины XX века, на стиль мышления которых повлияла философия Ж. Батая.

Методы исследования: 1) метод философской компаративистики, позволяющий выявить истоки и специфику интерпретации философских категорий: экстаза, двойного зрения, трансгрессии Ж. Батая и Л. И. Шестова; 2) феноменологический метод, который определяет роль и степень влияния философии беспочвенности Л. И. Шестова на особенности философского познания Ж. Батая; 3) герменевтический подход, позволяющий выявить характер влияния идей Ж. Батая на современную философскую мысль.

Теоретическая база. Источниками исследования творчества Ж. Батая являются произведения русских и зарубежных философов, а также монографии и научные публикации современных мыслителей. Несмотря на то, что о философских идеях и взглядах Ж. Батая стали говорить лишь в 70-80-е гг. XX в., количество научных работ, написанных о жизни и творчестве автора, в последующие десятилетия возросло.

Среди оригинальных философских работ ярко раскрывают образ Ж. Батая как философа монографии К. В. Ворожихиной (2016), А. Зыгмонта (2018). Среди западных исследователей можно назвать следующих авторов: Ж. Деррида (2000), Ж.-П. Сартр (1994), М. Фуко (1994).

Значительный вклад в изучение философского понимания Л. И. Шестова, о котором также идет речь в данной статье, внесли монографические работы и научные публикации таких современных авторов, как В. А. Апрелева (2012), В. А. Кувакин (2005), Т. И. Благова, Б. В. Емельянов (2003), С. Л. Фокин (1998), О. Тимофеева (2009), В. Савчук (2004), С. А. Горчакова (2020).

Для того чтобы понять смысл батаевского экстаза, важно проанализировать, как в его мышлении осуществляется деконструкция ценностей идеализма и христианства, которым он противопоставляет трансгрессивное обращение к измерению непристойности. Заметим, что спекулятивные последствия такой деконструкции обнаруживаются в произведении «История глаза», поскольку он сталкивается с главным парадоксом «внутреннего опыта», обращенного к любой дискурсивности и, следовательно, к любым высказываниям в положительных терминах знания, но которое может быть сокрыто между строками текста.

Чтобы очертить контуры батаевской мысли экстаза, основные спекулятивные схемы которой, в частности, собраны во внутреннем опыте, следует поместить ее в рамки атеистического мистицизма, или «атеологического мистицизма».

Возможен вопрос, как удалось Ж. Батаю связать поиски новой формы святости с трансгрессивным погружением в изливания эротики? Из биографии Ж. Батая известно, что, вернувшись из Мадрида в Париж, в 1923 году он подружился с вудуистом Альфредом Метро, которому он изложил форму циничной морали, приобретенную под влиянием чтения Жида, Ф. Ницше и Ф. Достоевского. Альфред Метро замечает у своего друга форму мистического «обращения», отрешенность от всякого благочестия. Так формируется специфика батаевского мышления, которое усиливается после знакомства со Львом Исааковичем Шестовым.

Практическая значимость статьи заключается в том, что опыт трансгрессии, по Ж. Батаю, помогает объяснить особенности мировоззрения и ценностной системы современного общества, и исследуемый материал может быть использован в образовательном процессе в учебных заведениях.

Основная часть

Жорж Батай признавался, что именно экзистенциалист Л. И. Шестов направлял его в открытии философии Ф. Ницше и античного гения Платона, и что именно русскому философу Ж. Батай обязан обретением фундаментальных философских знаний. Многие исследователи жизни и творчества Ж. Батая признают, что встреча со Львом Шестовым в начале 1920-х годов придала решительный импульс и направленность его «атеологическому» мистицизму.

Таким образом, бывший идеалист, задумавший сделать себя представителем Бога, вскоре становится самым жестоким из его отступников. Ж. Батая заинтересовала философия беспочвенности Л. Шестова, и французский писатель начинает изучать все творчество Л. Шестова, занимается переводом его книги «Идея добра у Толстого и Ницше. Философия и проповедь» совместно с Терезой Березовски.

Для Л. Шестова беспочвенность – это то, что дает ощущение падения, полета, парения-над, это то, что сливает восторг и ужас в одно целое и, как ни странно, придает уверенность в правильности жизненного и творческого пути. Л. Шестова привлекали вопросы неопределенности, на которые сложно дать ответы.

Он отмечает в книге «Великие кануны», что все великие тайны мира не могут быть выявлены с той точностью, с которой мы видим мир. Л. Шестов рвется к незаконченным, беспорядочным, хаотическим, не обоснованным разумом целям, размышлениям. Он убежден в том, что именно сомнение становится творческой движущей силой нашей жизни. По мнению Л. Шестова (1912), человек, не окрепший духом, не способен к резким переменам. Ему нужно убедиться в правильности своих действий. Он медлит, боится признаться в этом и до поры до времени молчит (с. 33-42).

Эти противоречивые, как жизненный процесс, размышления складываются у него в «апофеоз беспочвенности» – в философские устремления обрести самого себя, свободного от страха взлета или падения (1905, с. 131). Л. Шестов (1929) в своей работе пишет, что человек, преодолевая почти физический страх утраты равновесия, обретает свободу самовыражения, отсутствие общеобязательности, доказательности и требований объективности истины. Поиск истины тайн – живое, не равнодушное, но в то же время как нечто волнующееся, рвущееся к истине (с. 152).

Не практика, или соответствие знания факту, не мир скудной эмпирии, – единственным критерием «истинности» может быть в познании, по Л. Шестову, только испытание. Истина у каждого человека может быть своя, и она не может быть ни для кого обязательной. Таким образом, философия обретает в этот период у Л. Шестова (1908) смысл «учения о ни для кого не обязательных истинах» (с. 128).

Такое знание-откровение сродни состоянию полета, высшему, вдохновенному проникновению в глубины бытия. Именно так Платону открылись его идеи, Плотин постиг тайну «солнцеподобного» видения, Паскаль заглянул в бездну и «воспарил» над ней, Кьеркегор испытал состояние высшего «страха и трепета». Л. Шестов (1966) пишет, что подлинное знание можно получить, владея искусством долгого и упорного молчания. Слова не дают человеку прикоснуться к тайне мироздания (с. 77).

К тому времени, когда Ж. Батай посещал его, Л. И. Шестов, в частности, опубликовал во Франции очерк о Паскале, «Гефсиманская ночь», и книгу «Откровения о смерти» (1923), объединяющую два очерка под названием «На страшном суде» и «Преодоление самоочевидностей».

Это последнее сочинение, посвященное Ф. М. Достоевскому, частично повторяло шестовские идеи философии трагедии, и было посвящено проблемам вечности и смерти: поскольку вечность не предполагается Л. Шестовым (1929) как альтернатива смерти, то с нею, со смертью, ассоциируются у человека понятия страха и ужаса. Они суть показатели несовершенства и неопределенности в жизни, они суть бесосновные состояния предбытия. Ужас представлен в образе страшного суда, на котором решается, быть или не быть свободе воли, душе. Символически показана борьба между жизнью и смертью. И мы не подозреваем, что происходит вокруг нас (с. 145).

В 1921 году отмечалось 100-летие со дня рождения великого писателя Ф. М. Достоевского. В Париже и Берлине проводились мероприятия, посвященные творчеству писателя. В 1922 году в журнале “Nouvelle Revue Francaise” опубликовали статью Л. Шестова «Преодоление самоочевидностей». В этом же номере была опубликована статья Андре Жида, которого волновало творчество Достоевского и побудило написать о нем книгу. Обе статьи вызвали интерес среди ученых. Впоследствии работы Л. Шестова вошли в состав книги «На весах Иова. Странствия по душам». Г. Ловцкий (1966) в работе «Философ библейского Откровения» пишет, что идеи Л. Шестова, с одной стороны, призывают верить в Бога, а с другой стороны, побуждают принимать материальный мир через душу человека.

По мысли Филиппа Сабо, в произведении, посвященном Ф. Достоевскому, Л. Шестов нашел закономерность внутреннего коллапса, сочетающего в одном и том же опыте ужас небытия и форму экстатической радости перед этим небытием. Действительно, философия трагедии предполагает обращение к голосу «подпольного человека».

Известно, что в этом произведении странный и тревожный рассказчик с ужасом обнаруживает, что все его прежние убеждения, все принципы, которые до сих пор могли оправдать его существование, в конечном счете являются лишь гигантским обманом, лицемерием, против которого он затем начинает изливать потоки цинизма и подлости.

В статье «Преодоление самоочевидностей» Л. Шестов начинает повествование с образа ангела смерти (Благова, Емельянов, 2003, с. 58-59). Он ссылается на Талмуд, где сказано, что лучше на свет не рождаться, если хочешь все знать. Л. Шестов (1993) полагал, что ангел смерти, сплошь покрытый глазами, является за душой преждевременно, оставляя два глаза. Благодаря этому человек вдруг начинает видеть то, что другие не видят. Человеком, обладавшим тайным двойным зрением, был Ф. Достоевский (с. 25-97). Человек, видящий больше, чем другие, достигает свободы от внутренних и внешних ограничений, связан с поиском неизвестности, определяющим иной жизненный путь, с бесконечностью и неопределенностью. В процессе рационального мышления один ответ «тащит» за собой другой, и так далее в бесконечность (Достоевский, 1973, с. 108).

Л. Шестов (1993) в очерках опирается на слова древнегреческого драматурга Еврипида, что жизнь – это и есть смерть, а смерть есть жизнь (с. 57). Он разъясняет, что люди могут отличить жизнь от смерти. Не могут справиться только те, у кого открылось «тайное зрение» (Благова, Емельянов, 2003, с. 64). Достоевский открыл подполье, которое ранее, задолго до него, Платон описал в великолепной притче об обитателях пещеры (Благова, Емельянов, 2003, с. 34). По мысли Л. Шестова, никто не догадывался, что пещера и есть подполье. Разница состоит в том, что идеализм Платона покорила людей, а от «подпольного человека» все отшатнулись (Благова, Емельянов, 2003, с. 36). Достоевский стремился к личной независимости и провозгласил индивидуальную свободу (Благова, Емельянов, 2003, с. 39).

Как мы видим, в своем анализе Л. Шестов явно сближает трагедию человека из подполья и платоновскую аллегорию пещеры, как она представлена в VII книге Республики, в частности, он подчеркивает, что, хотя

Платон познал «подземный» мир теней и призраков, все усилия его мысли состояли в том, чтобы предположить возможное (и необходимое) преобразование зрения, чтобы абстрагироваться от иллюзии чувств и через «глаза души» обрести солнечную идею добра как источника и завершения всякого созерцания. Из ряда работ, опубликованных Л. Шестовым о Достоевском, можно отметить, что он был против идеалов, и в этом заключалось его двойное зрение. По Л. Шестову, подпольное состояние неопределенности и бунта необходимо человеку. Он тоскует по «живой жизни», страдает от одиночества и не замечает лучшей жизни (Благова, Емельянов, 2003, с. 66-67).

Таким образом, человек-парадоксалист Достоевского, под эффектом двойного зрения, вдруг обнаруживает, что идеал «не в силах устоять перед натиском реальности... что все прекрасное априорно – лишь ложь», а сама красота – лишь чудовищность и уродство (Chestov, 1926, с. 76). Таким образом, здесь речь идет уже не о том, чтобы производить высшее, сублимирующее зрение, превращение взгляда в Солнце, рационализирующийся принцип объективного мира. Человек «почвы», скорее, совершает радикальное скольжение к небытию: идеальные и рациональные ценности «верха» затем систематически оказываются приниженными, возвращенными к подземной реальности.

Таким образом, опыт подполья может стать подлинно критическим опытом «беспочвенности» и низвержения идеализма: вместо того, чтобы раскрывать новую почву и новые убеждения (новое «знание»), он приводит только к тому, что человек не имеет места для беспочвенного существования, теперь не в состоянии избавиться от головокружения и тоски по собственному экстазу. Обращение к философии Л. Шестова, таким образом, позволяет понять, почему в первом фантастическом рассказе «История глаза», написанном Ж. Батаем, складывается философия взгляда, двойного зрения, которая послужила парадигмой для всего западного онто-богословия.

Действительно, глаз, его способность видеть и открывать свет, находятся одновременно в стадии слепоты, которая как бы знаменует собой термин ясности. Но это ослепление, как мы увидим, также создает условия для нового видения – подземного, а не небесного видения, которое открывает сокрытое, но существенное измерение существования: то, которое в данном случае имеет отношение к бессознательному, тому «подземному» осознанному и разумному сознанию, где неосознанно пересекаются Эрос и Танатос.

Таким образом, Шестов следует иному толкованию ценностей, которое и вдохновляет Ж. Батаю, что мыслит в русле трансгрессивного опыта.

Рассматривая феномен экстаза в философии Ж. Батаю, можно задать вопрос, каким образом рождается экстаз, о котором повествуют его эротические тексты? Чтобы объяснить этот процесс, необходимо взглянуть на драматизацию внутреннего опыта (Bataille, 1973a, с. 49). Именно в таких условиях бытия разыгрывается экстаз (Bataille, 1973a, с. 22-29).

В работе Ж. Батаю «История глаза» персонаж Симоны воплощает в себе функцию отклонения от исходного авторского смысла. Однако в чувственном порядке она резко жадна ко всему (Bataille, 2004, с. 52). Симона олицетворяет сам объект батаевского повествования: эротику, понимаемую здесь как область «глубокой сексуальности», которая противопоставляется поверхностной или привычной сексуальности, ложно сублимированной моральной завесой скромности и условностей. Именно «сексуальное отклонение» как таковое – то есть сексуальность как «точка разрыва» сознания – составляет центральную тему фантастики и вектор первоначального опыта священного, где экстаз и трансгрессия непосредственно и тесно связаны (Bataille, 2004, с. 80-82). Ж. Батаю определяет эротический опыт как антипод христианской концепции любви, которая стремится сублимировать его смысл в экономике греха и искупления. Эротика, напротив, предполагает поиск и утверждение самых непристойных аспектов действительности, того, что резко противопоставляется «человеческому блаженству и честности». На самом деле это пристрастие к всеобщему разврату соответствует одной из главных задач батаевского повествования. Экстаз Ж. Батаю явно понимается как радикальный отклик на платоновскую дискуссию об удовольствии в Филебе: «ПРОТАРХ». Когда мы видим, как человек отдается удовольствиям, и наблюдаем стыд, сопутствующий им, мы краснеем, отводим от них взоры и скрываем их изо всех сил (Platon, 1969).

Напротив, экстаз рождается именно из обращения взгляда к вещам снизу, к тем самым неясным движениям существования, которые вместо простого отвращения или стыда вызывают как смех, так и тоску. Так вот, глаз точно представляет и материализует эту точку пересечения и разворота верхнего и нижнего, честного и непристойного.

Это история о том, как «отречение от всего знания, [от этого] падения в пустоту» (Bataille, 1973a, с. 52) должно привести к головокружительному экстазу сознания. Действительно, в этом повествовании зрение, активность глаза систематически и постепенно оказываются оскверненными, деградированными, чтобы в итоге быть вычтенными из места избрания обольщения – лица – и присоединиться в последней сцене к «месту избрания сексуального разрыва»: сексу Симоны (Bataille, 2004, с. 104).

Таким образом, акт прегрешения на пути познания выдает себя как подрыв, который раскрывает непреодолимое влечение сознания к отречению и, помимо отвратительного и непристойного, к пределу всякого существования – смерти.

Экстаз понимается как эффект той трансгрессивной драматизации, которая напрягает существование и сознание бытия, вплоть до разрыва, через опыт эротики (Bataille, 2004, с. 72). Избыток разврата, таким образом, находит свою истину в открытии скрытого измерения человеческого существования, которое восстанавливает его парадоксальное единство, приводя к той точке совпадения, о которой здесь идет речь, тем не менее, она не ведет к позитивному разрешению противоречий (жизнь/смерть, бытие/небытие) в форме высшей духовной идентичности; вместо этого Ж. Батаю называет мгновенное, «совершенно молниеносное» переживание, которое строго артикулирует выход из себя («экстаз», данный, в частности, в эротическом избытке

жизни) и доступ к непрерывности бытия («общение» в смерти). Вероятно, именно в доктрине “*conchidentia oppositorum*”, разработанной Николя де Куэсом, Ж. Батай нашел модель такого неидентифицированного совпадения, которое обеспечивает конечный смысл того, что он понимает под феноменом «экстаз».

Действительно, «совпадение противоположностей» не ограничивается их растворением в высшем единстве (в соответствии с движением диалектического «преодоления»), а, напротив, открывает в самой конечной реальности отношение к бесконечности и абсолюту. Эта ссылка на додиалектическое мышление, таким образом, освобождает от всякого положительного синтеза, в то же время дает неожиданное продолжение размышлений Л. И. Шестова о границах философской рациональности, а также парадоксальной направленности батаевской мысли, разработанной из иконоборческого «ниспровержения» божественного и ценностей «высшего порядка» (бога, Солнца, добра). Поэтому, при возвращении к истории спекулятивной схемы “*conchidentia oppositorum*”, кажется, что Батай стремился использовать некоторые темы негативного богословия, намеренно тривиализованные и «перевернутые» в перспективе эротического повествования, где все ценности, прикрепленные к возвышению к Богу (или солнцу), оказываются принижены до ранга отречения и ужаса, а религиозный экстаз переходит в непристойный экстаз. Фактически эта инверсия чувства экстаза отнюдь не исключает возобновления общей направленности подхода, который прежде всего направлен на выявление божественного вне всякой ссылки на позитивное определение его бытия. В каком-то смысле в вымышленном мире Ж. Батая бессознательное и «глубокая сексуальность», образующие выборное место «совпадения противоположностей» (ужас/влечение; боль/наслаждение), а также порождаемый сексуальностью экстаз занимают место Абсолюта в соответствии с ниспровергающим движением, навязываемым «низким материализмом».

Эротизм, таким образом, открывает опыт сакрального, который не имеет никакого отношения к апофатическому подходу. Он противопоставляет всякое сведение гетерогенного («совсем другого») к однородности дискурса или знания. Ж. Батай, кстати, формулирует идею о том, что примирение противоположностей невозможно, так как, по существу, тождество бытия никогда не отступает полностью от самого себя, постоянно угрожает открыться той пустоте бытия, которую человеческое желание никогда не может заполнить, но которая составляет его собственный предел, другой предел удовлетворенности: человек – это то, чего ему не достает (Bataille, 1973b).

В каком-то смысле именно эта экстатическая открытость, эта напряженность бытия раскрывают разнородную природу «глубокой сексуальности», неотделимую в ее проявлении от жертвенного измерения Трансцендентного Бога, но в трансгрессивной форме органического совпадения, столь же непристойного, сколь и неожиданного: око и пол. Этот опыт восхождения к корням священного, история о котором пронизывает мифологию, находит свое воплощение в последней части книги, где действие происходит в Севилье, а, точнее, в церкви, где, по преданию, похоронен Дон Хуан (Bataille, 2004, с. 90). Здесь жертвоприношение превращается в кощунство: оно сопровождается систематическим осквернением реквизитов культа. Беспрецедентное откровение, поднятое в «Истории глаза», открывает абсолютную картину трансгрессии, как она вызывает падение, головокружение, лишенное смысла, и, наконец, экстаз, сообщающий пространству на мгновение (или мгновенно), абсолютное наслаждение и ужас.

Таким образом, жертвенный ритуал, вокруг которого строится весь вымышленный монтаж Ж. Батая, имеет функцию видения и в обезобразивании лица священного совпадения жизни и смерти. «Подпольная» фантастика «Истории глаза», где сходятся мистика и эротика, может тогда обозначать, как свое последнее слово, только пустоту или бездну – материализованную в тексте пробелом и многоточием.

Жорж Батай – ученый, активный общественно-политический деятель, выступавший против несправедливости человеческого удела. Идеи писателя левых убеждений весьма разнообразны, интересны для его поколения, они определяли искания французских мыслителей. Многие из них свои философские работы посвящали биографии и творчеству Ж. Батая.

Так, переключка с А. Арто становится не случайным событием в его жизни. В 1972 году их совместному творчеству был посвящен знаменитый творческий вечер, организованный журналом “*Tel Quel*” (Сальгас, 1999, с. 76). Работы Ж. Батая и его стиль мышления оказывают влияние на постмодернистские взгляды М. Фуко (1994, с. 111-131). В работе Ж. Деррида представлена интерпретация гегельянского концепта негативно-социальной средой Жоржа Батая (2000, с. 317-351). Жан-Люк Нанси в своих работах размышляет над проблемами интерпретации Батаем европейской философии (Nancy, 1983). Под редакцией Олье Дени выходит собрание текстов Ж. Батая «Коллеж социологии» (Hollier, 1974). В социально-философском трактате Ж. Бодрийяра рассматривается батаевское политэкономическое понятие «траты» (2000, с. 276-284). Объемистую биографию великого философа написал критик, редактор популярного французского журнала для интеллектуалов Мишель Сюриа (2000), также взгляды Батая раскрываются в работах Б. Сишера, П. Клоссовски, Ф. Бланшо, Ф. Марманда и др.

Идеи Ж. Батая являются для многих его последователей вдохновляющими и оригинальными, важными для дальнейшего развития современной философской мысли.

Заключение

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы.

1. Как показано в статье, в философии трагедии, а именно, в произведении, посвященном Ф. Достоевскому, Л. Шестов нашел закономерность внутреннего коллапса, сочетающего в одном и том же опыте ужас небытия

и форму экстатической радости перед этим небытием. Обращение к философии Л. Шестова, таким образом, позволяет понять, почему в первом фантастическом рассказе «История глаза», написанном Ж. Батаем, складывается философия взгляда, двойного зрения, которая послужила парадигмой для всего западного онто-богословия.

2. Феномен экстаза дается у Жоржа Батая в состоянии непрерывной ментальной медитации, сосредоточенной на некоторых фундаментальных человеческих переживаниях, включая эротику и священное. Он стремится дать литературную разработку этого феномена, обратившись к методу трансгрессии, к нарративному уровню фантастики, к особым «духовным упражнениям», в которых прослеживается противоречивая динамика сознания: с одной стороны, обращение к форме внутреннего опыта, с другой стороны, ниспровержение фигур трансцендентности.

3. В философии Ж. Батая сексуальность как «точка разрыва» сознания составляет центральную тему фантастики и вектор первоначального опыта священного, где экстаз и трансгрессия непосредственно и тесно связаны, демонстрируя в трансгрессивном измерении эротики инверсию ценностей благородного и подлого, честного и непристойного, верхнего и нижнего.

4. Среди известных представителей «постструктурализма» и деконструкции следует назвать М. Фуко, Ж. Деррида, Жана-Люка Нанси, Ж. Бодрийяра и М. Сюрра.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении философского опыта трансгрессии в аксиологии и философии современной культуры.

Источники | References

1. Апрелева В. А. Человек как «мыслящий тростник»: Блез Паскаль и Лев Шестов // Homo holistic: человек целостный / ред. Е. В. Гредновская. Челябинск: Издательство УралГУФК, 2012.
2. Благова Т. И., Емельянов Б. В. Философемы Достоевского: три интерпретации (Л. Шестов, Н. Бердяев, Б. Вышеславцев). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000.
4. Ворожихина К. В. Лев Шестов и его французские последователи. М.: ИФРАН, 2016.
5. Горчакова С. А. Человеческая телесность в гетерологии Ж. Батая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3.
6. Деррида Ж. От частной экономики к экономике общей: безоговорочное гегельянство / пер. А. В. Гараджи // Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. М., 1973. Т. 5.
8. Зыгмонт А. Святая негативность. Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
9. Кувакин В. А. Мыслители России: избранные лекции по истории русской философии. М.: Российское гуманитарное общество, 2005.
10. Ловцкий Г. Философ библейского Откровения: к 100-летию со дня рождения Льва Шестова // Путь. 1966. № 85.
11. Савчук В. Нашествие Батая на Русь (Сергей Фокин) // Савчук В. Режим актуальности. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.
12. Сальгас Ж.-П. Арто, Батай навстречу культурной революции / пер. Е. Баевской и А. Поповой. СПб.: Французский институт в Санкт-Петербурге, 1999.
13. Сартр Ж.-П. Один новый мистик / пер. С. Л. Фокина // Танатография Эроса. СПб., 1994.
14. Сюрра М. Жорж Батай, или Работа смерти. Главы из книги / пер. Е. Д. Гальцовой // Иностранная литература. 2000. № 4.
15. Тимофеева О. Введение в эротическую философию Жоржа Батая. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
16. Фокин С. Л. Жорж Батай в 30-е годы: Философия. Политика. Религия. СПб.: С.-Петербур. гос. ун-т экономики и финансов, 1998.
17. Фуко М. О трансгрессии / пер. С. Л. Фокина // Танатография Эроса. СПб., 1994.
18. Шестов Л. *Sola fide* - только верою. Париж, 1966.
19. Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления // Шестов Л. Сочинения. СПб., 1905. Т. 4.
20. Шестов Л. И. Великие кануны // Шестов Л. И. Сочинения. СПб., 1912. Т. 6.
21. Шестов Л. И. На весах Иова. Странствования по душам. Париж: Современные Записки, 1929.
22. Шестов Л. И. Начала и концы // Шестов Л. И. Сочинения. СПб., 1908. Т. 5.
23. Шестов Л. И. Преодоление самоочевидностей: к столетию рождения Ф. М. Достоевского (1921) // Шестов Л. Сочинения: в 2-х т. М., 1993. Т. 2.
24. Bataille G. Histoire de l'oeil // Bataille G. Romans et récits. Paris: Gallimard, 2004.
25. Bataille G. L'expérience intérieure // Bataille G. Oeuvres complètes. Paris: Gallimard, 1973a.
26. Bataille G. L'oeil pinéal // Bataille G. Oeuvres complètes. Paris: Gallimard, 1973b.
27. Chestov L. La philosophie de la tragédie. Dostoiewsky et Nietzsche (Philosophie et prédication) / trad. V. de Schloezer. Paris: J. Schiffrin, 1926.
28. Hollier D. La Prise de la Concorde: essais sur Georges Bataille. Paris: Gallimard, 1974.
29. Nancy J.-L. La communauté désœuvrée. Paris: Christian Bourgois, 1983.
30. Platon. Philèbe / trad. E. Chambry. Paris: Garnier-Flammarion, 1969.

Информация об авторах | Author information**RU****Лезер Виктория Александровна¹**, д. филос. н., проф.
Ишниязова Альбина Радиковна²¹ Тюменский индустриальный университет² Южно-Уральский государственный университет (НИУ)**EN****Lezer Victoria Alexandrovna¹**, Dr
Ishniyazova Albina Radikovna²¹ Industrial University of Tyumen² South Ural State University (Nizhnevartovsk branch)¹ vika_64@list.ru, ² econ3812@gmail.com**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 15.10.2021; опубликовано (published): 20.11.2021.

Ключевые слова (keywords): экстаз; трансгрессия; философия беспочвенности; двойное зрение; деконструкция;
ecstasy; transgression; philosophy of groundlessness; double vision; deconstruction.